

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.83

Т.Г. Лешкевич

ВЕКТОР МОДИФИКАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ: СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КОНВЕРГИРУЕТ С ПОСТНЕКЛАССИКОЙ

Показана модификация постнеклассической методологии с учетом конвергенции социогуманитарного и естественнонаучного знания. Описываются сильная и слабая версии конвергенции, проблемы междисциплинарности, постнеклассические концепты первой и второй волны. Оценивая сложность как ведущую тенденцию современной эпохи, автор критически анализирует модификации субъектности в условиях инфомира, противопоставляет им антропологическую перспективу и показывает значение надэмпирической трансляции опыта.

Ключевые слова: методология; конвергенция; концепты постнеклассики; «наука о сложном»; эмергентность; аутопоэзис; субъектность.

Современная социогуманитарная картина мира вбирает в себя не только личностно заряженные, ментально-психологические интерпретации событий общественной жизни и существующей реальности, но и реакцию на достижения переднего края науки, указывающие на её мощный технологический поворот и непредсказуемые последствия интенсивного развития. Неравновесное состояние современного мира обостряет проблему адекватной репрезентации действительности и требует новых методологических средств для его познания. В жизненный мир современника проникают вопросы: от чего зависит конфигурация существующей реальности; как выразить понимание тех пусковых механизмов, согласно которым происходит редактирование «потока возможностей»; кто подпитывает инициативами и энергией трансформации и деформации современного бытия? Существует ли субъектность, облаченная властью глобального управляющего воздействия, или следует искать анонимные системосозидающие параметры упорядоченности? Интеллектуальный и инструментальный ресурс, позволяющий подступиться к острым проблемам современности, вызревает на площадке **конвергенции** социогуманитарного знания и постнеклассического понятийного аппарата. Такое сближение служит обнаружению сквозной объединяющей идеи, направленной на понимание холистического единства современного мира при всей его сложности и хаосомности.

Сильная и слабая версии конвергенции. Если анализировать цель конвергенции в масштабном гуманитарном измерении, то она спроецирована на перспективы будущего, координацию совокупных достижений современной науки в направлении «человеко-коразмерности» и «дружественности каждому носителю разума». Здесь фиксируется потребность в «схождении» не только социогуманитарной мысли, комплекса естественнонаучных дисциплин и технического знания, но и геополитического анализа, данных экологии, демографии, экономики, медицины и пр. Сильная версия конвергенции опирается на идею эколого-ориентированного развития, взятого в качестве фундаментального условия обеспечения существования вида *Homo sapiens*. Однако ситуация нашего вре-

мени настроена на спайку человеческого интеллекта и технико-информационного обеспечения, что во многом увеличивает риски развивающихся «в слепую» технологий, порождая дополнительные проблемы в проектировании образа будущего.

В слабой версии конвергенция предстает как взаимовлияние «фундаментального» знания и описываемой гуманитариями реальности. Здесь четко работает метафора, указывающая на то, что фундаментальные и наблюдаемые области «сшиваются» (или «зашнуровываются») и это позволяет говорить о создании единого полотна конфигураций. Слабая версия конвергенции привлекает в качестве своего аргумента функциональную асимметрию головного мозга, наличие специфики правополушарного и левополушарного мышления, демонстрирующих свою интеграцию в жизнедеятельности каждого человека. Считается, что точные науки обрабатывают ресурс левого полушария, управляющего логическими умозаключениями и формально-абстрактным стилем мышления. За правым закреплено распознавание и переработка зрительных образов, ассоциации, цвета, ритмы, формы, а также выраженная эмоциональность и интуитивно-образный способ мировосприятия. Последнее ярко представлено социогуманитарной сферой. Особенно важно то, что в силу асимметрии левое полушарие работает в режиме однозначного семантического контекста, а правое обладает возможностью создавать многозначные полисемантические связи, обуславливающие различные интерпретации.

Многозначность смыслов, рождаемых в лоне социогуманитарного знания, определила эпоху принципиального **плюрализма** задолго до ее осознания в сфере точных наук. Сейчас плюрализм полноправно заявляет о себе не только в осмыслении этнокультурного многообразия и культурно-исторических типов. Он нашел отражение и в релятивистской космологии, и во взглядах на теорию эволюции, и в осмыслении механизмов общественного развития и пр. В отличие от агрессивности монизма, требующего признания лишь одной, единственно верной теории, платформа плюрализма позволяет принять уникальность и исходное многообразие мира. Методологическая стратегия конвергенции как раз и нацеливает на общий

поток научной информации, разрушающий дисциплинарные границы и указывающий потенциал *междисциплинарного и трансдисциплинарного* взаимодействия. Вместе с тем это во многом изменяет устоявшиеся приоритеты академического мира. Еще Р. Парсонс утверждал, что основным предназначением академической системы являются развитие своей дисциплины, распространение и сохранение знания [1. Р. 547–569]. Научная элита, преданная своим дисциплинарным областям, осуществляет конкретный «вклад в науку» и управляет процедурами развития дисциплинарного знания. В силу этого логично предположить возникновение «нового менеджериализма» [2. Р. 47–70], управленческие практики которого могут быть направлены на организацию междисциплинарного взаимодействия. Однако оценка продуктивности деятельности «нового менеджериализма» весьма амбивалентна, так как он вынужден сочетать в себе и компромисс, и административно-командные методы при неясных основаниях междисциплинарного синтеза и конкретных направлений приложения усилий. Заметим также, что междисциплинарное взаимодействие предполагает достаточно высокую степень коллективной согласованности и открытости. Надежды на арбитраж «социальных сетей» и ретенальный (от лат. сеть) путь распространения информации множеству адресатов или приватную коммуникацию среди ученых как надежных каналов, обеспечивающих консолидацию, вряд ли оправданы. Исследователи показывают, что междисциплинарность, основанная на коммуникации между учеными, распадается на три типа: критика, заимствование и синтез [3. С. 65]. Более того, коммуникативные конвенции могут откровенно вступать в противоречие с регламентациями институциональной сферы.

С точки зрения реального положения дел, процесс конвергенции в настоящее время находится в зоне неопределенности, конвергенция столь же необходима, сколь и проблематична. Однако правомерна ее оценка как интегративного основания, намечающего новые горизонты синтеза науки, искусства, здравого смысла и институциональности, снижающего риски научно-технического развития и обосновывающего приоритеты будущего.

Потенциал понятийного аппарата постнеклассики. Несмотря на то что сфера методологии считается достаточно инертной и сопротивляющейся изменениям, в современной ситуации можно зафиксировать существенные подвижки в расширении *понятийного аппарата* и регулятивов постнеклассики. С одной стороны, общий императив постнеклассики, состоящий в признании ценностно-целевой стратегии, остается неизменным, так как именно он, сопрягая цели и ценности, сохраняет уверенность в человекообразном сценарии развития. Этот регулятив сформирован на фоне утверждения представленных синергетикой постнеклассических концептов первой волны: порядок, хаос, аттрактор, бифуркация, флуктуация, диссипация, энтропия, нелинейность и пр. С другой стороны, фиксируется мощный поток обновления методологического инструментария, обеспечивающего тестирование современной ситуации, представленного та-

кими концептами, как эмерджентность, энактивизм, рекурсивность, фрактальность, сложность и др.

Заметим, что постнеклассические концепты «первой волны» родом из точных наук. Методология, модифицируя предшествующий инструментарий, сделала ставку на переосмысление роли хаосомных структур. Философско-методологическая реакция на «*хаос*» показала всю ограниченность его обыденного восприятия. В научном дискурсе этот концепт, обозначающий иррегулярность и уводящий к стихийно-спонтанному становлению, отсутствию однозначных пространственно-временных траекторий развития, стал весьма популярным инструментом постнеклассической методологии. Хаос в контексте неотъемлемой атрибутики мира в общем виде подчеркивает абсолютность движения и относительность покоя. Спецификация данного концепта связана с тем, что хаос – это нерегулярное движение с непериодически повторяющимися, неустойчивыми траекториями, где для корреляции пространственных и временных параметров характерно случайное распределение [4. С. 172–173]. В такой интерпретации данный концепт напрочь лишается своего деструктивного толкования. В постнеклассической картине мира хаос мыслится как состояние, производное от первичной неустойчивости материальных взаимодействий, которое может явиться причиной спонтанного структурогенеза. Стартуя от пионерской работы И. Пригожина и Э. Стенгерс [5], дихотомия «хаос – порядок» спустя четверть века укоренилась в мировоззрении ученых как универсальная характеристика развития всех уровней универсума и системообразующая магистраль новообразований.

В настоящее время задача несколько перефокусирована. В поисках «стандартов, которые работают», постнеклассическая методология опирается на значимые в мировоззренческом плане маркеры современности и, в частности, на парадигму сложностного мира. Это привело к конституированию целого направления, получившего название «complexity science» – «наука о сложном». Эпоху *сложности* определяют как «разворачивающуюся во времени становящуюся цепь событий, определенных по отношению к прошлому и неопределенных по отношению к будущему» [6. С. 86]. Активный приверженец «сложного мышления» Э. Морен описывает ее так: «...беспорядок и порядок смешиваются, вызывают друг к другу, нуждаются друг в друге, состояются друг с другом, противоречат друг другу. Этот диалог осуществляется в необыкновенной великой игре взаимодействий, превращений, организаций, где каждый работает за себя, каждый за всех, все против одного, все против всего» [7. С. 14]. Отталкиваясь от такой характеристики, можно предположить, что в стратегиях современного развития «состязаются и противоречат друг другу» ориентация на рыночную максимизацию функции полезности и стремление к ценностно-целевым приоритетам человеческого существования; энтропии социального, проникающая во все поры жизненного процесса, и яростное ей противостояние в направлении воплощения качественных целей гармонизации бытия.

Преимущество «науки о сложном» – «complexity science» состоит в том, что она сопрягает в себе рефлексивное начало, т.е. субъектность, стремящуюся распознать происходящее, придать ему «человеческое» измерение, с одной стороны. А с другой – начало объективное, событийное, связанное с «упрямыми фактами» наличной действительности и геополитической ситуации. Возникающие при этом мировоззренческие деформации обусловлены также агрессивным вторжением виртуальных форм взаимодействий, симулятивным эффектом СМИ, создающим субонтологию реальности. Смыслы ситуации активно конструируются и посредством « сетевого охвата » проецируются на человека, видоизменяя при этом «тип саморегуляции» общества.

Еще в начале прошлого века статистические закономерности, ориентирующие на учет множества факторов, выводили науку на вероятностный прогноз. Их преимущества были связаны с приближением к «текучей современности», в которой все системы характеризуются как открытые, активно обменивающиеся веществом, энергией и информацией, что и обуславливает эффект их неравновесности. На этом основании иллюзии в том, что реальность предстает неким инвариантом повторяющихся регулярностей и тождественных причинных связей, были разрушены.

Сложность современной ситуации такова, что поведение системы может быть описано лишь древовидной ветвящейся графикой, зависящей от многообразия векторов приложения энергии в поле социальной жизни. Под вопросом оказываются долгосрочная перспектива и консенсус в видении будущего, координация партнерских отношений и кооперирование совместных усилий. Особо затруднительным представляется учет супертехнологических новаций переднего края науки в контексте позитивных и негативных последствий их внедрения. В поисках *онтологической* опоры философы указывают на *сложность* как ведущую тенденцию современности, определяющей дух двадцать первого столетия [8]. Поскольку сложная цепь событий, характеризующая социокультурную динамику современности, чревата радикальной неопределенностью, так называемая логика сложности сопряжена с эмерджентностью, неустойчивым и случайным распределением траекторий развития, отклоняющимся от выбранной стратегии поведением участников взаимодействий.

«Вторая волна» обновления понятийного аппарата постнеклассики выплеснула на авансцену в качестве ведущих такие концепты, как *эмерджентность*, *знактивизм*, *аутопоэзис*, *рекурсивность*, *фрактальность*. Расширение их коннотаций направлено на поиск модели реальности, которая бы не противоречила ее действительным значениям, была бы адекватна динамике современного мира и улавливала *нерв и пульс современной эпохи*. Фокус внимания сместился на рассмотрение многообразных эффектов, которые возникают вне и помимо первоначального целеполагания, т.е. *эмерджентных*, внезапно возникающих ситуационных сценариев. Эмерджентность, демонстрирующая, согласно выводам исследователей, «бытийственную отделенность от хронологически поро-

дивших корней» [9. С. 26], привлекает в поле методологического анализа побочные продукты, периферийные пласты жизнедеятельности, ситуации расхождения цели и результатов.

Значение такого концепта постнеклассической методологии, как *знактивизм*, *вытекает из понимания того*, что любая из систем для своего функционирования и адаптивного вписывания в существующие средовые факторы должна получать информацию о «потоке возможностей» и осуществлять свой выбор. Тем самым данная система, изменяясь сама, производит определенное воздействие на сложившуюся совокупность условий и обстоятельств. Процесс, в котором качественные изменения системы, детерминированные средой, оказывают влияние на сами средовые факторы, обозначен специальным концептом – *знактивизм*. Его методологический потенциал состоит в том, что он показывает, как часть «свертывает в себе целое», участвуя в «со-возникновении» новых качеств и свойств. Е. Князева, опираясь на труды Э. Томпсона, У. Матурана, Ф. Варелы, показывает, что знактивизм – это «действие системы в среду» [10. С. 91–105]. Схемы изменений (то, что У. Матурана именовал как «столкновение организма и среды») учитывают совместное взаимодействие как средовых факторов, так и особенностей системы, и оказывают непосредственное воздействие на всех участников этого процесса. Здесь важна соотнесенность тела системы с самим собой, со средой, их взаимная ко-детерминация и некая синкретичная связь, «общность с жизнью». На наш взгляд, заслуживает особого внимания процесс «самоподдержания и восстановления нарушенных связей» в случае разрушающих воздействий извне. Все это направлено на сохранение и самодостраивание идентичности системы. Иными словами, система и обстоятельства ее жизни меняются конгруэнтно, однако именно поддержание *идентичности* системы свидетельствует о факте ее существования как автономной целостности, как участнице симфонии взаимодействий. Аналог знактивизма ученые усматривают в процессе интеракционизма системы и среды, где система и окружающая среда обоюдны активны.

Вытекающий отсюда концепт *рекурсивность* указывает на естественную необходимость сопряжения внутреннего и внешнего, при котором происходит осознаваемое наблюдение ситуации при одновременном конструировании ее смысла [6. С. 86]. Методологическая стратегия рекурсивности предлагает сочленять внутренний план бытия системы и внешний контекст ее существования. Каждый новый уровень организации несет собой типы взаимодействий, которые рекурсивно влияют на совокупность имеющихся обстоятельств, сложившихся регулярностей и формообразований. Их ответная реакция и трансформации, обусловленные сетью взаимодействий, производят эффект рефлексивно активной среды.

Другое значимое методологическое приращение связано с концептом *фрактал* (от лат. изломанный). В общем случае фрактал означает самоподобие, масштабную инвариантность, а также структурное тождество части и целого (например, структура воды в

капле воды). В качестве распространенного наглядного примера фрактала принимают снежинку, вместе с тем таковых множество, это и кораллы, и линия берега, и границы облаков или же японский садик, представляющий уменьшенную модель сада как такового. Иногда фрактал называют уменьшенной копией целого. Выделяют также квазифрактал, отличающейся неточностью повторения структуры. Значение фрактальности велико, ибо в самом эволюционном процессе усматривают фрактальные составляющие [11. С. 11]. Из основного свойства фракталов – самоподобия можно получить значимое прогнозное приращение, указывающее на то, что информация, содержащаяся в части, соизмерима с информацией о целом, системе. С точки зрения онтологии фрактальность как самоподобие показывает не только тождественность структуры, но и инвариантность законов функционирования данной структуры. В размышлениях о допусках современного методологического инструментария и применения фрактальности к сфере гуманитарного знания, можно обратиться к примеру, когда зрелый человек, вспоминая поступки и состояния молодости, удивляется и, быть может, краснеет, но никогда не отказывается от узнавания самого себя, от самоподобия собственному Я. Учитель всегда ценит в своем ученике похожесть на себя, воспитатель хочет передать воспитаннику качества, важные для него самого [Там же. С. 12].

Таким образом, фрактальный подход, спроецированный на проблему идентичности, обнаруживает свое значение и для современного социогуманитарного знания, и для понимания специфики реальных участников взаимодействий. Иными словами, расширенная *концептосфера* постнеклассики становится весьма востребованным метаязыком современности.

Но для того, чтобы оттенить способ развития, включающий в себя смыслополагание, постнеклассическая методология активно использует потенциал такого концепта, как *аутопоэзис* [12], выходящий далеко за пределы биологии. Уже Н. Луман использует этот концепт для описания характеристики такого социального явления, как сети интернет-пространства. Данный концепт показывает, что система в состоянии наблюдать самое себя, фиксировать то, что с ней происходит, она обладает способностью к самоописанию, достраиванию собственных компонентов и прогнозированию своих состояний. Аутопоэтический процесс самодостраивания и воспроизведения самое себя предполагает не только отработку имеющихся смыслов жизнедеятельности, но и новое смыслообразование. Он опирается на симбиоз интуитивного и рационального, спонтанного и управляемого и не может быть формализован. Е. Князева акцентирует внимание на процессе «вдействия в мир и в друг друга и взаимного отелеснения (ин-теркорпоральности). Мы моделируем верования и намерения других людей, с которыми мы имеем дело, как будто мы находимся в их ситуации. За такой процесс ответственны в мозгу так называемые зеркальные нейроны», – отмечает автор [13]. Уместен также вывод Х. Патнэма, утверждающий, что «приходится отбросить великую мечту; мечту об описании физической реальности как

существующей вне наблюдателя, описания, которое является объектом в смысле существования безотносительно к конкретной точке зрения» [14. С. 91]. Здесь важно, во-первых, что место репрезентации реальности, на которую наука делала ставку в предшествующей парадигме, занимает рекурсивное взаимодействие. А во-вторых, что проекция от точки зрения наблюдателя свидетельствует об активном рефлексивном процессе.

В силу этого в качестве «эффективных единиц» влияния в фокусе внимания оказываются интеллектуальные инициативы [15], генерирующие программы индивидуальной активности, направленные на преобразование реальности. В них имплицитно присутствует как энергичная проекция человека, так и образ реальности, которая необходима для самореализации субъекта. Интеллектуальная инициатива содержит в себе репертуар идей и признание доминирующей персоны актора «в терминах внимания». Заметим, что именно состояние внимания Г. Хакен использовал в синергетике как значимую характеристику активности головного мозга на макроскопическом уровне [16], которое позволяет чутко настроиться на ритмы взаимодействий. Более того, резонансные взаимодействия, сопровождаемые вниманием, по своему смысловому потенциалу «состязаются» с информационными процессами и в некоторых случаях свидетельствуют о своеобразной инфляции информации.

Если стать на позиции известного отечественного науковеда М.К. Петрова, утверждавшего, что «в основе культурного прогресса лежит не внешний толчок, а внутренний побудительный мотив» [17. С. 25], то интеллектуальная инициатива может быть оценена как матричный элемент постнеклассики. Однако важно понимать, что интеллектуальные инициативы могут выступать в трех ипостасях: в виде устойчивых и стереотипных регулятивов; как случайные артефакты, указывающие на зону неустойчивости; как цели – аттракторы, которые являются центрами скопления и обладают системосозидающим потенциалом. Эффективность инициативы расценивается с точки зрения внедренности человеческого мышления в реальность, укорененности в ней и привнесения в нее позитивных регуляций, что на языке синергетики означает нахождение гармонизирующих «параметров порядка».

Исследователи выделяют еще один, мало разработанный аспект, а именно вопрос о значении интеллектуальной энергии фемининного или маскулинного типа, активно вторгающейся в обустройство бытия. Тем самым в широком диапазоне социальных ситуаций задается определенная программность социально-ролевых сценариев. Энергия и жизненная сила, сопряженные со способностью «быть автором собственных поступков и решений, нести ответственность за свой выбор и действия» [18. С. 15], являясь основополагающими в стратегии изменения ситуации. Понятийный аппарат постнеклассики, являясь открытой системой для включения новых, универсально значимых концептов, переносит акцент на вопрос о субъектности.

Современные модификации субъектности. Многообразие профилей ученого, предлагающих раз-

ные проекции научных изысканий (теоретик, аналитик, экспериментатор, популяризатор, эксперт и др.), свидетельствует о разностороннем вложении исследовательских усилий в направлении распознавания и конституирования тенденций развития целого. Но поскольку сегодня нельзя говорить об адекватном понимании действительности без учета проникающих во все поры жизнедеятельности технологий, то современный образ мира включает в себя сумму технологий, этот мир детерминирующих. Контуры проективного будущего подразумевают доминирование технологического и возрастающий удельный вес артефактной среды. Современная технонаука, представленная NIBC – nano-, био-, информационно-когнитивными технологиями, имеет в качестве очевидных следствий видоизменения психо-ментальной сферы субъектности.

Во-первых, фиксируется беспомощность массового человека перед натиском высоких технологий, которые, демонстрируя постоянную обновляемость, несут собой скрытую или явную нестабильность. Из-за недостаточной компетентности в сверхсложных технологиях у человека возникает ощущение принципиальной уязвимости. Интенсифицированный на основе новейших технологий производственный процесс высвобождает лишние рабочие руки и поднимает острый социальный вопрос: «Куда может быть направлена энергия “лишних людей”»? [17. С. 6] Чем она может быть связана? Психологи отмечают кризис мотиваций, когда люди лишаются жизненных целей и затрудняются сказать, чего они хотят от жизни. В то время как жесткие современные реалии требуют постоянно обновляемой технологической грамотности субъектов, способных эффективно функционировать в условиях постинформационной цивилизации.

Во-вторых, вследствие доминирующего значения инфоцентричного мира фиксируется подчиненность человека интернет-сетям. Сегодня инфозависимость сравнивается с сильнодействующими драгами, предопределяющими поведенческие девиации. Интернет как повышающий «разрешающую силу» человеческого мозга присваивает себе функции могущественного «посредника» современного существования. Модели виртуального замещения генерируют квазисобытия, которые претендуют на онтологическое равноправие, вторгаются в наличное бытие и существенно влияют на мировосприятие. Мышление приобретает клиповый характер. Представляя отрывки информации в образной форме, оно нацеливает на фрагментарность, отсекает смысловую глубину погружения, вытесняет логику и понятийный строй мышления. Емко и образно о клип-культуре писал Э. Тоффлер, подчеркивая, что на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, обстреливают нас разорванными, лишенными смысла «клипами», мгновенными кадрами [19]. Выводы во многом справедливы, но, вместе с тем, некоторые исследователи утверждают, что такую клиповую стилистику мышление обретает в целях защиты от перегрузок возрастающего объема информации [20]. Другие видят в

«клиповом мышлении» своеобразную форму побега от реальности [21. С. 15–23], своеобразный виртуальный эскейпизм, осуществляемый в условиях обедненного событиями обыденного существования. Человек, испытывающий огромную зависимость от компьютеров, выступает в облики *Homo Interneticus*.

В-третьих, ученые бьют тревогу по поводу продолжающейся деградации научного потенциала, сокращающейся численности ученых, недофинансирования уровня расходов на образование, науку и здравоохранение [22. С. 6]. Стремление к самовыживанию ставит под угрозу «здоровый смысл» академического сообщества, подвергая сомнению связь между исследовательскими достижениями, научным признанием и престижем ученого. В условиях рыночной экономики «амбивалентность ученых», которая была зафиксирована в пионерской работе Р. Мертона, а также в метких выводах П. Фейерабенда, проявилась в своих самых негативных свойствах. Поскольку образованию предан статус сферы оказания образовательных услуг, академизм, отстаивающий высокую планку профессиональных знаний и качество научных исследований, сопровождаемых воспроизводством принятой академическим сообществом системы ценностей, значительно мутировал. Это привело к активному формированию новой идентичности представителя научного мира. В свое время М.К. Петров обращал внимание на существующее мнение, что ученых часто считают «рабочими сцены»; они ответственны за идеи и нужные приспособления, но их следует держать за кулисами. Все, кто писал о политических аспектах науки, – отмечал автор, – вспоминают формулу, которая стала основным символом оценки статуса ученых – «под рукой, но не в руководстве» [23. С. 41]. Не случайно в современный научный оборот вошли термины «knowledge-worker» (работник интеллектуального труда), «фабрика мысли», во многом обезличивающие вклад ученого, задействованного в процессе создания прибавочной стоимости.

Анализ российского контекста функционирования научного потенциала выявляет весьма ощутимую неоднородность в отношении следования высоким стандартам профессионализма; разросшуюся сферу аутсайдеров в науке с характерной агрессивностью академического дискурса [24], замешанном на конкурентности, подозрительности, зависти, скрытом плагиате. Но главное, сложилась и повсеместно фиксируется ситуация отрицательной селекции, в которой производится «выдавливание» ученых с именем, «ключевых дисциплинарных фигур» [25. С. 142]. По неволе вспоминается звучащий как назидание вывод М.К. Петрова: «В человеке-профессионале совмещено несколько функций: регулирование (иногда и обеспечение энергией), порождение нового и наследственное кодирование (обучение)» [23. С. 82]. Следовательно, современность должна сделать ставку на субъектность профессионалов.

Антропологическая перспектива – важнейшая цель конвергенции. Самоопределение современной эпохи предполагает вовлеченное участие человека в происходящие события. Познавательные практики постнеклассики, нащупывающие подходы к выявлению

нию специфических особенностей неравновесного мира, «схватыванию» характеристик ситуации, содержат в себе ряд преимуществ. Во-первых, инструментарий постнеклассики более чутко реагирует на стохастическую жизненный процесс и динамику «ускользающего бытия», чем традиционная методология. Во-вторых, в нем ощутима значимость инициатив, личной энергии ученых и ценностно-целевых регулятивов, что имплицитно содержит в себе проектную открытость к антропологическому повороту.

Антропологический поворот, заключающийся в себе идею человекообразности, показывает, что человеку в его реальной жизни необходимы не только научно-технический прогресс, но и искусство, мораль, полноценное личностное общение и вся ценностно-смысловой универсум, отраженный социально-гуманитарной сферой, которая не сводима без остатка ни к логике и научной рациональности, ни к потреблению и экономической выгоде. К истинам человеческого существования отнесены любовь, дружба, верность, порядочность, взаимопонимание, справедливость, а к «аттестации» событий привлечены совесть и стремление к гармонизации бытия, направленной на создание мира, пригодного для жизни будущих поколений. Постигание этих истин тесно связано с человеческими эмоциями, переживаниями, намерениями. Их экзистенциально-духовное наполнение обуславливает формирование жизненной позиции, предполагает открытость миру и слияние с высокими ценностями сокровищницы человеческого духа.

Ситуации, отраженные в произведениях искусства, декодируются воспринимающим сознанием, оставляя неизгладимый след в памяти и психо-ментальной сфере. Влияя на продуцирование сознанием базовых схем жизневоплощения, они способствуют надэмпирической трансляции человеческого опыта. Человек в своей конечной жизни не может быть реальным участником того многообразия коллизий и ситуаций,

к которым приобщает его мир искусства. Эмоционально выразительные возможности художественного образа рождает эффект сопереживания и свидетельствуют о его аттрактивной природе. Осуществляемая искусством надэмпирическая трансляция опыта – чрезвычайно значимый канал обогащения человеческой личности смысловесущими ориентирами. В ней можно усмотреть путь «сведения ума в сердце». Сопрягая внутренне-субъектное с внешне-реальным, она порождает особую эмоциональную энергию намерения, снабжает человека запасом возможных вариантов ответа на вызовы, брошенные обстоятельствами, научает «искусству жить». Рефлексия над собственной жизнью – приоритет мыслящих людей, воспринимающих свое бытие как проект самовоплощенного существования.

Конвергенция, превосходя фрагментарно разбросанное знание, выступает насущным требованием современности. Человек науки в глазах общественного мнения – это не частичный индивид, а личность, от которой ожидают энциклопедической образованности, глубинных знаний, ярко выраженной мировоззренческой позиции. Он являет собой сочетание интеллектуальных, этических и рефлексивных способностей. Когда ученый, астрофизик или микробиолог на понятном и общедоступном языке рассказывает о своих достижениях широкой аудитории, конвергенция проявляется как имманентный и естественный процесс. И чем интересней рассказ, тем очевидней возможность перевода специального понятийного аппарата на универсальный язык осмысленного повествования. «Речевой ансамбль» и «свод познаний» работают на популяризацию достижений конкретной области, тесную спайку и органическое проникновение проблематики точной науки в социогуманитарную сферу. Конвергенция, прокладывая путь к целостному постижению универсума, обеспечивает креативное движение к новым открытиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Parsons T. Some Problems Confronting Sociology As a Profession // *American Sociological Review*. 1959. № 24 (4). P. 547–569.
2. Deem R. New Managerialism” and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom // *International Studies in Sociology of Education*. 1998. Vol. 8, № 1. P. 47–70.
3. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // *Вопросы философии*. 2010. № 4. С. 5–15.
4. Лешкевич Т.Г. *Философия науки*. М.: Инфра-М, 2004.
5. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М.: Прогресс, 1986.
6. Аршинов В.И. Сложностной мир и его наблюдатель // *Философия, методология и история науки*. М., 2015. Т. 1, № 1. С. 86–99.
7. Морен Э. *Метод. Природа Природы*. 2-е изд. М.: Канон+, 2013.
8. Mainzer K. *Thinking of Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind*. New York: Springer, 2007.
9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Основания синергетики*. СПб.: Алетейя, 2002.
10. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // *Вопросы философии*. 2013. № 10. С. 91–105.
11. Лешкевич Т.Г. Парадоксы «инно-преобразований», или Размышления о философии инноваций // *Научная мысль Кавказа*. Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. № 2. С. 7–13.
12. Матурана У., Варело Ф. *Древо познания*. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
13. Князева Е.Н. Коммуникативная сложность // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 5. С. 110–118.
14. Патнэм Х. *Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия становления и развития*. М.: ДИК, 1998.
15. Тулмин Ст. *Человеческое понимание*. М.: Прогресс, 1984.
16. Хакен Г. *Принципы работы головного мозга*. М.: Наука, 2001.
17. Петров М.К. *Самосознание и научное творчество*. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1992.
18. Лешкевич Т.Г. Проблема качественной «распаковки» смыслов бытия // *Научная мысль Кавказа*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. № 4. С. 14–22.
19. Тоффлер А. *Третья волна*. М.: Изд-во АСТ, 2004.
20. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // *Науковедение*. 2016. Вып. 5 (24). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>
21. Кошель В., Сегал А. Клиповое мышление как форма обыденного сознания // *Международный академический вестник*. 2015. № 4 (10). С. 15–23.

22. Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М. : Инфран, 2010.
23. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М. : РОССПЭН, 2006.
24. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Интелрос. 2016. № 138. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30001-trevoga-i-entuziazm-v-diskursah-ob-akademicheskome-mire-mezhdunarodnyy-i-rossiyskiy>
25. Лешкевич Т.Г. Академический мир и его системообразующие принципы // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании—2017. Академический мир в междисциплинарных практиках : материалы второй ежегодной Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.). Ростов-на-Дону ; Таганрог : ЮФУ, 2017. С. 136–146.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 августа 2017 г.

THE VECTOR OF METHODOLOGY MODIFICATION: CONVERGENCE OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE WITH POST-NON-CLASSICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 71–78.

DOI: 10.17223/15617793/427/9

Tatiana G. Leshkevich, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Keywords: methodology; convergence; post-non-classical concepts; “complex science”; emergence; autopoiesis; subjectness.

The article is devoted to the analysis of the modification of the post-non-classical methodology taking into account the convergence of different types of knowledge. The main goal is to show the advantages of using the post-nonclassical conceptual apparatus as a universal methodological resource for studying the acute problems of our time. The author suggests distinguishing between the “strong” and “weak” versions of convergence and identifies the problems of interdisciplinary synthesis. Attention is paid to the design of “a new managerialism” (R. Deem), which assigns to itself functions of the organization of cross-disciplinary interaction. The focus is shifted to the expansion of modern methodology, which allows us to distinguish post-nonclassical concepts of the “first” and “second” waves. The author describes such concepts of post-nonclassical methodology as complexity, emergence, enactivism, recursiveness, fractality, autopoiesis and reveals their methodological potential and systemic relationship. The concept “complexity” (E. Moren; K. Mainzer) reflects the leading tendency of the modern time. The phenomenon of intellectual initiative (St. Toulmin) is a new object of methodological reflection. It generates programs of individual activity and is assessed as a matrix element of transformations. It implicitly contains the energetic projection of a person, extends the boundaries of the existing situation and points to the alternative scenarios of the future. Developing this idea, the author raises the question of modern modifications of subjectivity. The person of a global world does not think of himself out of large-scale technical technological support, out of information communications. At the same time the analysis shows that human nature is undergoing transformations due to the penetration of positive and negative trends of nano-, bio-, info- and cognitive technologies in all the spheres of the lifeworld. First, it fixes the helplessness of a mass person before the onslaught of high technologies. Second, human subordination to Internet networks becomes apparent. Under the press of information technology, the conceptual structure of thinking is supplanted by the clip-art one. The problem of the impact of information technology on the human brain is acute. And, finally, the new identity of a “knowledge-worker” which depersonalizes the scholar’s contribution is actively formed. A new wave of negative selection is recorded, suggesting an outflow and “mobbing” of established scholars, ignoring “key disciplinary figures”. It is worth highlighting that modernity should rely on the subjectivity of professionals. The article concludes that the most important purpose of convergence is anthropological perspective. Social and humanitarian knowledge provides transmission of human experience, enriching the person with meaningful landmarks.

REFERENCES

1. Parsons, T. (1959) Some Problems Confronting Sociology As a Profession. *American Sociological Review*. 24 (4). pp. 547–569.
2. Deem, R. (1998) New Managerialism” and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom. *International Studies in Sociology of Education*. 8:1. pp. 47–70.
3. Kasavin, I.T. (2010) Mezhdistsiplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii [Interdisciplinary research: to the concept and typology]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 5–15.
4. Leshkevich, T.G. (2004) *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow: Infra-M.
5. Prigozhin, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos. A new dialogue between man and nature]. Moscow: Progress.
6. Arshinov, V.I. (2015) Slozhnostnoy mir i ego nablyudatel’ [Complex world and its observer]. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki*. 1:1. pp. 86–99.
7. Moren, E. (2013) *Metod. Priroda Prirody* [Method. Nature’s Nature]. 2nd ed. Moscow: Kanon+.
8. Mainzer, K. (2007) *Thinking of Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind*. New York: Springer.
9. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2002) *Osnovaniya sinergetiki* [Foundations of synergetics]. St. Petersburg: Aletyya.
10. Knyazeva, E.N. (2013) Enaktivizm: kontseptual’nyy povorot v epistemologii [Enactivism: a conceptual turn in epistemology]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 91–105.
11. Leshkevich, T.G. (2011) Paradoksy “inno-preobrazovaniy”, ili Razmyshleniya o filosofii innovatsiy [Paradoxes of “Inno-Transformations”, or Reflections on the Philosophy of Innovation]. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*. 2. pp. 7–13.
12. Maturana, U. & Varelo, F. (2001) *Drevo poznaniya* [The Tree of Knowledge]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.
13. Knyazeva, E.N. (2013) Communicative complexity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 5. pp. 110–118. (In Russian).
14. Putnam, H. (1998) Realizm s chelovecheskim litsom [Realism with a human face]. Translated from English. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya stanovleniya i razvitiya* [Analytical philosophy of formation and development]. Moscow: DIK.
15. Toulmin, St. (1984) *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Translated from English. Moscow: Progress.
16. Haken, H. (2001) *Printsipy raboty golovnogogo mozga* [Principles of brain functioning]. Moscow: Nauka.
17. Petrov, M.K. (1992) *Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo* [Self-consciousness and scientific creativity]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
18. Leshkevich, T.G. (2014) Problema kachestvennoy “raspakovki” smyslov bytiya [The problem of qualitative “unpacking” of meanings of life]. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*. 4. pp. 14–22.
19. Toffler, A. (2004) *Tret’ya volna* [The thir wave]. Translated from English. Moscow: Izd-vo AST.

20. Semenovskikh, T.V. (2016) Fenomen “klipovogo myshleniya” v obrazovatel’noy vuzovskoy srede [The phenomenon of “mosaic thinking” in the educational high school environment]. *Naukovedenie*. 5 (24). [Online] Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
21. Koshel’, V. & Segal, A. (2015) Klipovoe myshlenie kak forma obydenного soznaniya [Бытыфшс thinking as a form of everyday consciousness]. *Mezhdunarodnyy akademicheskyy vestnik*. 4 (10). pp. 15–23.
22. Lepskiy, V.E. (2010) Problema sub’ektov rossiyskogo razvitiya [The problem of subjects of Russian development]. In: Arshinov, V.I. & Lepskiy, V.E. (eds) *Problema sborki sub’ektov v postneklassicheskoy nauke* [The problem of collecting the subjects in post-nonclassical science]. Moscow: Infran.
23. Petrov, M.K. (2006) *Filosofskie problemy “nauki o nauke”. Predmet sotsiologii nauki* [Philosophical problems of the “science of science”. Subject of sociology of science]. Moscow: ROSSPEN.
24. Abramov, R., Gruzdev, I. & Terent’ev, E. (2016) Alarm and Enthusiasm in Discourses on the Academic World: International and Russian Contexts. *Intelros*. 138. [Online] Available from: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30001-trevoga-i-entuziazm-v-diskursah-ob-akademicheskoy-mire-mezhdunarodnyy-i-rossiyskiy>. (In Russian).
25. Leshkevich, T.G. (2017) [Academic world and its system-forming principles]. *Mezhdistsiplinarnost’ v sovremennom sotsial’no-gumanitarnom znanii–2017. Akademicheskyy mir v mezhdistsiplinarnykh prakt ofikakh* [Interdisciplinarity in modern social and humanitarian knowledge–2017. Academic world in interdisciplinary practices]. Proceedings the second annual all-Russian conference. Rostov-on-Don. 22–24 June 2017. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU. pp. 136–146. (In Russian).

Received: 12 August 2017